Николай
Гумилёв
МОЯ ВОЙНА
Боевой путь поэта
Записки
кавалериста

Николай Степанович Гумилев
Боевой путь поэта. Записки кавалериста
Серия «Моя война»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68709852
Боевой путь поэта. Записки кавалериста:
ISBN 978-5-00180-629-5

Аннотация

«Да, надо признать, ему не чужды были старые, смешные ныне предрассудки: любовь к родине, сознание живого долга перед ней и чувства личной чести. И еще старомоднее было то, что он по этим трем пунктам всегда готов был заплатить собственной жизнью» – так писал Куприн о Николае Гумилёве. Когда Россия вступила в Первую мировую войну, поэт не мог остаться в стороне и пошел на фронт добровольцем.

Испытание войной Гумилёв выдержал с честью. И хотя ему не суждено было узнать радость победы, очередную битву с самим собой он выиграл.

Но важнее всего, что среди крови, грязи, жестокости и ненависти Николай Степанович остался рыцарем, верным старым предрассудкам.

Он был одним из немногих, кто умел войну поэтизировать, и едва ли не единственным литератором Серебряного века,

оставившим столь подробный и честный рассказ о своей службе в воюющей армии.

Его «Записки кавалериста» печатались в газетах в 1915-1916 годах и вызвали большой интерес у читающей публики.

В этой книге с помощью различных текстов и документов полностью воссоздан боевой путь поэта с первых дней войны и до Брестского мира.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие 7
Записки кавалериста 13
Вступление 13
Часть 1 26
Глава I 26
Глава II 35
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Николай Степанович Гумилев Боевой путь поэта. Записки кавалериста

© Гумилев Н.С., 2022
© ООО «Издательство Родина», 2022

То лето было грозами полно,
Жарой и духотою небывалой,
Такой, что сразу делалось темно
И сердце биться вдруг переставало,
В полях колосья сыпали зерно,
И солнце даже в полдень было ало.

И в реве человеческой толпы,
В гуденье проезжающих орудий,
В немолчном зове боевой трубы
Я вдруг услышал песнь моей судьбы
И побежал, куда бежали люди,
Покорно повторяя: «Буди, буди».

Солдаты громко пели, и слова
Невнятны были, сердце их ловило:
«Скорей вперед! Могила так могила!

Нам ложем будет свежая трава,
А пологом – зеленая листва,
Союзником – архангельская сила».

Так сладко эта песнь лилась, маня,
Что я пошел, и приняли меня,
И дали мне винтовку и коня,
И поле, полное врагов могучих,
Гудящих грозно бомб и пуль певучих,
И небо в молнийных и рдяных тучах.

И счастием душа обожжена
С тех самых пор; веселием полна,
И ясностью, и мудростью, о Боге
Со звездами беседует она,
Глас Бога слышит в воинской тревоге
И Божьими зовет свои дороги.

Николай Гумилёв. Пятистопные ямбы (вторая редакция)

Предисловие

«Осенью 1914 года Гумилёв неожиданно сообщил, что поступает в армию. Все удивились, Гумилёв был ратником второго разряда, которых в то время и не думали призывать. Военным он никогда не был. Значит, добровольцем, солдатом?

Не одному мне показалась странной идея безо всякой необходимости надевать солдатскую шинель и отправляться в окопы.

Гумилёв думал иначе. На медицинском осмотре его забраковали, ему пришлось долго хлопотать, чтобы добиться своего. Месяца через полтора он надел форму вольноопределяющегося Л. Гв. Уланского полка и вскоре уехал на фронт».

Георгий Иванов

«Да, надо признать, ему не чужды были старые, смешные ныне предрассудки: любовь к родине, сознание живого долга перед ней и чувства личной чести. И еще старомоднее было то, что он по этим трем пунктам всегда готов был заплатить собственной жизнью» – так писал Куприн в посмертном очерке об одном из наиболее ярких и своеобразных поэтов Серебряного века Николае Гумилёве.

Николай Гумилёв. Фото М.С. Наппельбаума, 1918 год

Старые предрассудки были у Николая Степановича в крови и воспитывались в нем с детства. Поэт, чей «прадед ранен под Аустерлицем», был патриотом в самом возвышенном смысле этого слова. Когда Россия вступила в Первую мировую войну, он не мог остаться в стороне и пошел на фронт добровольцем.

В самом этом факте нет ничего необычного – в войне так или иначе приняли участие многие деятели культуры, кто по призыву, кто добровольцем. Достаточно вспомнить В. Катаева, С. Есенина, А Вертинского.

Однако Николай Гумилёв был одним из немногих, кто умел войну поэтизировать, и едва ли не единственным литератором, оставившим столь подробный и честный рассказ о своей службе в воюющей армии.

Его «Записки кавалериста», созданные в форме военного дневника в период службы поэта в лейб-гвардейском уланском полку, печатались в газетах и вызвали большой интерес у читающей публики. Но ни самому поэту, ни советским издателям в голову не пришло издать их отдельной книгой после окончания войны – время для таких публикаций было совершенно неподходящим. А потом и само имя Гумилёва попало под запрет, и все, что относилось к «империалистической войне», но не ругало ее и «старорежимную армию» не приветствовалось. Таким образом, в России первое изда-

ние «Записок кавалериста» появилось только в начале 90-х годов XX века в трехтомном издании сочинений поэта.

Зато в эмигрантских кругах «Записки» издавались достаточно часто и были популярны, как и сама фигура Гумилёва. Впрочем, нельзя не заметить, что в отношении эмигрантов к поэту было слишком много идеологии и политики и слишком мало подлинного интереса к его творчеству и богатейшему культурному наследию. Об этом честно, горько и жестко еще в 20-х годах XX века высказался литератор Андрей Левинсон:

«Мечут жребий о ризах мертвых поэтов. На собраниях в их память несется со всех сторон азартный крик: "Он наш!" – И каждый из торгующихся с шумом бросает на весы свои доводы.

В Николае Гумилёве чудо чьей жизни было в ее абсолютной растворенности, в поэтическом подвиге, любуются всего более монархистом; имена то и дело служат аргументом в споре, трамплином для ораторских порывов».

Так и «Записки кавалериста» очень долго не становились предметом серьезного изучения. Никому не приходило в голову взглянуть на них не только как на литературное произведение, но и как замечательный, в своем роде уникальный документ, который не только рассказывает боевой путь поэта и полка, в кортом он служил в период написания, но и позволяет более подробно изучить историю Первой мировой войны, показанной здесь глазами добровольца, не имев-

шего до поступления на службу никакого отношения к армии и военному делу.

Исследователем, взявшимся восполнить этот пробел, стал Евгений Евгеньевич Степанов. Именно ему мы обязаны «открытием», что все написанное в военном дневнике Гумилёва в точности соответствует документам, хранящимся в фондах Российского государственного военно-исторического архива.

Сопоставление рассказов Гумилёва с журналами боевых действий, донесениями, приказами, докладами показали абсолютную объективность и точность его описаний боев, разъездов, перемещений войск. Впрочем, Николай Степанович действительно отличался дотошностью и даже в лирике всегда сочетал полет фантазии со стремлением к максимальной точности. Что уж говорить о военном дневнике.

Гумилёв прекратил вести дневник с переходом в другой полк весной 1916 года и больше к нему не возвращался, вообще его интерес к военной теме постепенно ослабевал. Причиной тому была и накапливающаяся усталость, и отсутствие серьезных успехов нашей армии, и рутина окопных будней. Так называемая позиционная война выражалась для нижних чинов и младших офицеров в бесконечном сидении в окопах, перестрелках, неделях бездействия и выполнении всякой скучной и нудной работы, вроде заготовки фуража. Ну и просчетов командования, «тупых приказов» мог не видеть и не понимать только слепой.

Судя по воспоминаниям, Николай Степанович, написав все, что хотел, в дневнике, письмах, стихах, в дальнейшем практически ничего и никому не рассказывал о своих военных буднях. Даже его семья и близкие друзья не осведомлены о деталях его службы, количестве наград, названии полков и т. п. Это хорошо понимаешь, сталкиваясь с десятками противоречивых рассказов о том «как воевал Гумилёв».

Испытание войной поэт выдержал с честью. И хотя ему не суждено было узнать радость победы, очередную битву с самим собой он выиграл. Три боевые награды и офицерские погоны для добровольца и ратника второго разряда – более чем достойный послужной список.

Но важнее всего, что среди крови, грязи, жестокости и ненависти Николай Степанович остался рыцарем, верным старым предрассудкам.

В этой книге представлены «Записки кавалериста», текст которых соотнесен с архивными документами. Для удобства восприятия их выдержки вкраплены непосредственно в повествование.

Отличным дополнением к «Запискам» служит переписка Николая Гумилёва за 1914–1917 годы, его военные стихи и немногочисленные рассказы его сослуживцев.

Записки кавалериста

Вступление

18 июля 1914 года в 10 часов вечера Германия объявила войну России. 20 числа был объявлен «Высочайший указ о мобилизации».

В это время Николай Гумилёв был в Петербурге, на Васильевском острове, где он остановился у В. К. Шилейко[1] (5-я линия, 10). Вместе с В. Шилейко и С. Городецким[2] он присутствовал при разгроме германского посольства, участвовал в манифестациях, приветствовавших сербов. Решение идти на фронт пришло сразу…

24 июля в петербургских газетах были опубликованы «Правила о приеме в военное время охотников на службу в сухопутные войска, Высочайше утвержденные 23 июля».

---

[1] Владимир Казимирович Шилейко (1891–1930) – русский востоковед, поэт и переводчик, друг Гумилёва, второй муж Ахматовой.

[2] Сергей Митрофанович Городецкий (1884–1867) – поэт, переводчик. В начале карьеры был символистом, затем решил стать одним из вождей акмеизма, а после ухода Гумилёва на фронт возглавить новое течение. Это ему не удалось. После революции достаточно быстро стал абсолютно просоветским, отмежевался от прежних знакомых, не принявших революцию. Неоднократно выступал с публичными осуждениями не только Гумилёва, но и других коллег, а также всей «упаднической буржуазной поэзии» в целом.

Собрать все перечисленные в «Правилах» документы было непросто. Кроме того, для Гумилёва существовало еще одно препятствие к осуществлению задуманного, весьма серьезное.

Дело в том, что еще 30 октября 1907 года Николай Степанович был освидетельствован военной медицинской комиссией, признан не способным к военной службе и освобожден от воинской повинности по причине астигматизма глаз. Однако уже 30 июля 1914 года им было получено медицинское свидетельство, подписанное действительным статским советником доктором медицины Воскресенским:

Николай Гумилёв в форме вольноопределяющегося рядового лейб-Гвардии Уланского Ея Величества полка. 1914 год

«Сим удостоверяю, что сын Статского Советника Николай Степанович Гумилёв, 28 л. от роду, по исследовании его здоровья оказался не имеющим физических недостатков, препятствующих ему поступить на действительную военную службу, за исключением близорукости правого глаза и некоторого косоглазия, причем, по словам г. Гумилёва, он прекрасный стрелок».

31 июля 1914 года полицией Царского Села в лице полицеймейстера полковника Новикова Гумилёву было выдано свидетельство, удостоверяющее «об отсутствии опорачивающих обстоятельств, указанных в статье 4 сих правил»:

«Дано сие Сыну Статского Советника Николаю Степановичу Гумилёву, согласно его прошению, для представления в Управление Царскосельского Уездного[3] *Воинского Начальника, при поступлении в войска, в том, что он за время проживания в гор. Царском Селе поведения, образа жизни и*

---

[3] Уезд – низшая административная, судебная и фискальная единица в Российской империи (с 1775 года). Административным центром уезда являлся, как правило, уездный город, станица или форпост. Большинство уездов делилось на волости (крестьянские, инородческие), казачьи станичные правления, самостоятельные сельские правления или управления и прочие. С 1889 года уезд делился на 4–5 земских участков во главе с земским начальником. Полицейско-административная власть в уезде осуществлялась уездным воеводой (с XVIII века), а затем окружным (уездным) начальником, уездным исправником, уездным управляющим. К 1917 году в России насчитывалось до 800 уездов.

нравственных качеств был хороших, под судом и следствием не состоял и ныне не состоит и ни в чем предосудительном замечен не был. Что полиция и свидетельствует».

Анна Ахматова вспоминала о хлопотах Николая Степановича при поступлении на военную службу: *«Это было очень длительно и утомительно»*.

Тем не менее, уже 5 августа 1914 года Гумилёв был в военной форме, в этот день его с Ахматовой на Царскосельском вокзале встретил А. Блок (об этом имеется запись в его записной книжке).

> *«…А вот мы втроем (Блок, Гум<илев> и я) обедаем на Царскосельском вокзале в первые дни войны (Гум<илев> уже в форме), Блок в это время ходит по женам мобилизованных для оказания помощи. Когда мы остались вдвоем, Коля сказал: "Неужели и его пошлют на фронт. Ведь это то же самое, что жарить соловьев"».* (Записные книжки Ахматовой, с.672).
>
> «Записные книжки» Блока: запись от 5 августа 1914 г.:
>
> *«Встреча на Царскосельском вокзале с Женей, Гумилёвым и Ахматовой…»*

Как вольноопределяющийся, Гумилёв мог выбирать род войск. Его влекла кавалерия. Верхом он ездил прекрасно, всерьез тренировался еще до войны.

Что же до стрельбы, здесь очень помог опыт, приобретенный в африканских путешествиях. Когда по окончании обучения охотники сдавали экзамены, Гумилёв показал один из

лучших результатов по верховой езде и стрельбе несмотря на то, что стрелял с левого плеча.

13 августа 1914 года Гумилёв был в Кречевицких Казармах, поселке под Новгородом. Приказом по Гвардейскому запасному кавалерийскому полку № 227 от 14 августа 1914 года Николай Гумилёв был зачислен охотником в 6-й запасной эскадрон. Более месяца шло обучение.

В сентябре к нему приезжала Ахматова[4].

Этот полк готовил кавалеристов для гвардейских кавалерийских полков, составлявших 1-ю и 2-ю гвардейские кавалерийские дивизии.

Гумилёв был определен в *1-й маршевый эскадрон* Лейб-Гвардии Уланского Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка, который отправился на позиции 23 сентября.

Эскадрон прибыл в полк 30 сентября. Приказом № 76 по Л.-Гв. Уланскому полку от 30 сентября 1914 года прибывшие нижние чины и вольноопределяющиеся рядового звания (всего 190 человек) зачислены на жалованье согласно аттестату за № 4512 от 24 августа 1914 года.

В приказе № 76 по Уланскому полку от этого числа сказано:

«§ 2. Прибывших нижних чинов 1-го маршевого эскадрона унтер-офицерского звания – 2, из которых

---

[4] Об этой встрече Анна Андреевна позже написала стихотворение «Пустых небес прозрачное стекло…»..

один сверхсрочной и один действительной службы, младших унтер-офицеров – 28, вольноопределяющихся унтер-офицерского звания – 3, ефрейторов – 20, фельдшеров – 2 и нижних чинов и вольноопределяющихся рядового звания – 124, зачислить на жалованье согласно аттестата за № 4512 от 24 августа 1914 года».

Именно эта дата занесена в известный «Послужной список» Николая Гумилёва, и ее ошибочно считали датой его прибытия в полк. Лейб-Гвардии Уланским полком командовал полковник (с I января 1915 г. – генерал-майор) Дмитрий Максимович Княжевич.

В полку было шесть эскадронов, первый эскадрон обозначался как эскадрон Ея Величества (ЕВ). Командовал этим эскадроном ротмистр князь Илья Алексеевич Кропоткин, и в этот эскадрон был зачислен Николай Гумилёв.

К моменту прибытия поэта Лейб-Гвардии Уланский полк, в составе 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии, уже участвовал в боях, совершил длительный поход по Восточной Пруссии, впервые перейдя границу 27 июля 1914 года.

Самый тяжелый, но победный бой был 6 августа под Каушенами, за этот бой были награждены более 80 человек.

Однако первый прусский поход закончился неудачно. 2-я Армия попала в окружение, 1-я Армия, в состав которой входила 2-я Гвардейская кавалерийская дивизия, понесла меньшие потери, однако 30 августа 1914 года Лейб-Гвардии

Уланский полк вынужден был отступить за пределы Восточной Пруссии. 9 сентября 1914 года Уланский полк, как наиболее уставший, был временно выведен из состава дивизии и отправлен на отдых. На это время полк был расквартирован в г. Россиены (теперь Литовская Республика, г. Расейняй). Именно там и началась боевая военная служба поэта.

Первым документальным свидетельством пребывания Гумилёва в действующей армии является письмо Ахматовой, отправленное 7 октября 1914 года.

С описания первого боя начинаются «Записки кавалериста» Николая Гумилёва.

Принято считать, что «Записки кавалериста» – это отдельные корреспонденции, описывающие разрозненные боевые эпизоды, в которых участвовал Гумилёв. (Некоторые публикации сопровождались подзаголовком: *«От нашего специального военного корреспондента»*).

Однако подробное изучение архивных материалов, связанных с боевыми действиями Л.-Гв. Уланского полка на протяжении 1914–1916 годов, позволяет сделать вывод, что «Записки кавалериста» с самого начала были задуманы автором как документальная повесть, рассказывающая обо всех главных событиях первого года его участия в войне. Фактически «Записки кавалериста» описывают весь период военной службы Гумилёва в Лейб-Гвардии Уланском полку.

Точность описания, с одной стороны, и большие временные сдвиги между событиями и датами публикации их опи-

саний («запаздывание» составляло от 3 до 10 месяцев) позволяют утверждать, что с первых дней своего пребывания в Уланском полку Гумилёв вел подробный дневник (как и ранее, во время африканских путешествий).

Хотя судьба военного дневника неизвестна (как и судьба большинства африканских дневников Николая Степановича), однако почти весь он и составил «Записки кавалериста», печатавшиеся в газете «Биржевые ведомости» на протяжении почти года: с 3 февраля 1915 года по 11 января 1916 года прошло 17 публикаций.

Разбиение «Записок» на главы было сделано для удобства публикации. Отдельной главой считается все, что было опубликовано в одном номере газеты. «Записки кавалериста» печатались очень неравномерно. Если обратить внимание на даты, можно сделать вывод, что тексты для публикаций в газете доставлялись в редакцию лично автором, а не посылались почтой с фронта, как иногда утверждают.

Как уже сказано, глава I появилась в утреннем выпуске газеты «Биржевые ведомости» 3 февраля 1915 года. В конце января Гумилёв приезжал на несколько дней в Петроград. 29 января 1915 года газета «Петроградский курьер» рассказала о вечере поэтов в «Бродячей собаке» 27 января, на котором свои военные стихи читал Гумилёв. Затем в публикациях был трехмесячный перерыв, а за период с 3 мая по 6 июня 1915 года были напечатаны главы II – V.

С середины марта по май Гумилёв находился в Петрогра-

де на излечении.

С июня по сентябрь он опять на фронте, постоянно участвует в боях.

В конце сентября Гумилёва отправили в Петроград в школу *прапорщиков*, практически весь остаток 1915 и начало 1916 года он провел в столице.

С 9 октября 1915 года по 11 января 1916 года в «Биржевых ведомостях» прошло 12 публикаций «Записок кавалериста», завершивших книгу.

В марте 1916 года Гумилёв был произведен в прапорщики с переводом в 5-й Гусарский Александрийский Ея Величества Императрицы Александры Феодоровны полк.

Цензурные прочерки (ЦП) в «Записках кавалериста» касаются, главным образом, точных указаний на место и время, сведений о боевых частях, которые участвовали в операциях.

Заметим, что цензурные вычеркивания касаются практически лишь первых трех глав «Записок». В дальнейшем автор приспособился к требованиям цензуры, и все последующие тексты шли в авторской редакции.

Сопоставление официальных документов и описаний автора указывает на точность и ответственность Гумилёва при написании документальной повести. Нет ни одного выдуманного или хотя бы как-то приукрашенного (в пользу автора) эпизода. Все документально точно.

Для того, чтобы легче ориентироваться в «Записках»,

правильно разбить их на четыре части, в соответствии с теми кампаниями, в которых участвовал Гумилёв.

Часть 1.

Главы I и II.

Октябрь 1914 года. Восточная Пруссия.

Участие во взятии Владиславова и во втором прусском походе.

Часть 2.

Главы III–VI.

Ноябрь – декабрь 1914 года. Польша.

Бои за Петроков. Отход армии за реку Пилица.

Часть 3.

Главы VII–XI.

Февраль – март 1915 года. Приграничные районы Литвы и Польши.

Бои вдоль Немана. Наступление армии на Сейны, Сувалки, Кальварию.

Часть 4.

Главы XII–XVII.

Июль – сентябрь 1915 года. Украина (Волынь) и Белоруссия (Брестская губерния).

Бои под Владимиром-Волынским.

Отход русской армии вдоль реки Западный Буг и далее, от Бреста, через Кобрин, за Огинский канал.

Отличие данной публикации «Записок» от других состоит в том, что их текст соотнесен с другими документами – до-

кладами, журналами боевых действий, приказами, телеграммами. И таким образом на деле доказана их полная документальность и объективность.

Кроме того по журналам боевых действий и другим документам из Российского военно-исторического архива удалость точно восстановить хронологию событий, описываемых в «Записках кавалериста». Это позволило исправить те ошибки автора, когда он переставлял местами описываемые события, объединить механически ради умещения в газетную полосу разбитые главы, описывающие одно событие и т. п.

Эта кропотливая работа была блестяще проделана Е. Е. Степановым и легла в основу его фундаментальной книги «Поэт на войне», отдельные части которой под печатались в периодике задолго до выхода монографии.

Все внесенные в оригинальную публикацию изменения указаны и объяснены с опорой на документальные свидетельства.

Текст «Записок» печатается по публикациям в газете «Биржевые ведомости» за 1915–1916 годы.

Авторская орфография и пунктуация сохранены.

В некоторых случаях к тексту даны примечания из Энциклопедического словаря Ф. Брокгауза и И. Ефрона, чтобы было видно, как в начале XX века понимали те или иные термины, определенные явления либо процессы, представление о которых за прошедший век изменилось. Так гораздо

проще понять, о чем говорит и что имеет в виду автор.

Татьяна Альбрехт

Записки кавалериста.

Н. ГУМИЛЕВЪ.

Первая публикация «Записок кавалериста» в газете «Биржевые ведомости»

Часть 1

Глава I

Опубликована в «Биржевых ведомостях» № 14648 от 03.02.1915 г.

Описывает события с 17 по 20 октября 1914 года

Мне, вольноопределяющемуся-охотнику[5] *одного из кавалерийских полков, работа нашей кавалерии представляется как ряд отдельных вполне законченных задач, за которыми следует отдых, полный самых фантастических мечтаний о будущем. Если пехотинцы – поденщики войны, выносящие на своих плечах всю ее тяжесть, то кавалеристы – это веселая странствующая артель, с песнями в несколько дней кончающая прежде длительную и трудную работу. Нет ни*

---

[5] Гумилёв соединяет два термина, уточняя свой статус. Соединение правомерно, т. к. «вольноопределяющийся» – термин, определяющий статус военнослужащего на юридических основаниях вне зависимости от мирного или военного периода, «охотник» же – термин, прочно привязанный к периоду военных действий.

зависти, ни соревнования. «Вы – наши отцы, – говорит кавалерист пехотинцу, – за вами как за каменной стеной».

[ЦП]

Помню, был свежий солнечный день, когда мы подходили к границе Восточной Пруссии.

> Стоявший на отдыхе в Россиенах Гвардейский Уланский полк 14 октября был временно включен в состав Первой отдельной кавалерийской бригады, входившей в III Армейский корпус. Начальником этой бригады был генерал-майор Майдель. Бригада стояла вблизи границы с Восточной Пруссией. Штаб бригады и главные силы располагались в селах Рудзе, Бобтеле, Ашмонишки. В этот район Уланский полк прибыл 17 октября.

Я участвовал в разъезде, посланном, чтобы найти генерала М.[6]*, к отряду которого мы должны были присоединиться. Он был на линии боя*[7]*, но, где протянулась эта линия, мы точно не знали. Так же легко, как на своих, мы могли выехать на германцев. Уже совсем близко, словно большие кузнечные молоты, гремели германские пушки, и наши залпами ревели им в ответ. Где-то убедительно быстро на своем ребячьем и страшном языке пулемет лепетал непонятное.*

---

[6] Генерал-майор Майдель.

[7] Иными словами, на передовой.

Неприятельский аэроплан[8], как ястреб над спрятавшейся в траве перепелкою, постоял над нашим разъездом и стал медленно спускаться к югу. Я увидел в бинокль его черный крест.

Этот день навсегда останется священным в моей памяти.

Я был дозорным и первый раз на войне почувствовал, как напрягается воля, прямо до физического ощущения какого-то окаменения, когда надо одному въезжать в лес, где, может быть, залегла неприятельская цепь, скакать по полю, вспаханному и поэтому исключающему возможность быстрого отступления, к движущейся колонне, чтобы узнать, не обстреляет ли она тебя. И в вечер этого дня, ясный, нежный вечер, я впервые услышал за редким перелеском нарастающий гул «ура», с которым был взят В.[9]. Огнезарная птица победы в этот день слегка коснулась своим огромным крылом и меня.

На другой день мы вошли в разрушенный город, от которого медленно отходили немцы, преследуемые нашим артиллерийским огнем. Хлюпая в черной липкой грязи, мы подошли к реке, границе между государствами[10], где стояли

---

[8] В данном случае Гумилёв имеет в виду любой самолет. В начале XX века аэропланами называли самолеты, не зависимо от их типов.

[9] Владиславов, город у слияния рек Шервинты и Шешупы, по которым проходила граница с Восточной Пруссией.

[10] Река Шешупа.

орудия. Оказалось, что преследовать врага в конном строю не имело смысла: он отступал нерасстроенным, останавливаясь за каждым прикрытием и каждую минуту готовый поворотить – совсем матерый, привыкший к опасным дракам волк. Надо было только нащупывать его, чтобы давать указания, где он. Для этого было довольно разъездов.

По трясущемуся наспех сделанному понтонному мосту[11] *наш взвод перешел реку*[12].

[ЦП]

Мы были в Германии.

Я часто думал с тех пор о глубокой разнице между завоевательным и оборонительным периодами войны. Конечно, и тот и другой необходимы лишь для того, чтобы сокрушить врага и завоевать право на прочный мир, но ведь на настроение отдельного воина действуют не только общие соображения, – каждый пустяк, случайно добытый стакан молока, косой луч солнца, освещающий группу деревьев, и свой собственный удачный выстрел порой радуют больше, чем известие о сражении, выигранном на другом фронте.

---

[11] **Понтонный мост** – мост, имеющий плавучие опоры-понтоны. Разновидностью понтонного моста является наплавной мост, который не имеет обособленных понтонов – плавучими являются сами пролётные сооружения. Основное применение понтонных мостов – организация временных переправ через водные преграды при аварии или во время ремонта постоянных мостов, в военном деле, при ликвидации последствий стихийных бедствий и других. Однако встречаются и постоянно функционирующие понтонные и наплавные мосты.

[12] Мост через Ширвинту.

Эти шоссейные дороги, разбегающиеся в разные стороны, эти расчищенные, как парки, рощи, эти каменные домики с красными черепичными крышами наполнили мою душу сладкой жаждой стремления вперед, и так близки показались мне мечты Ермака, Перовского и других представителей России, завоевывающей и торжествующей. Не это ли и дорога в Берлин, пышный город солдатской культуры, в который надлежит входить не с ученическим посохом в руках[13], а на коне и с винтовкой за плечами?

Мы пошли лавой[14], и я опять был дозорным. Проезжал мимо брошенных неприятелем окопов, где валялись сломанная винтовка, изодранные патронташи и целые груды патронов. Кое-где виднелись красные пятна, но они не вызывали того чувства неловкости, которое нас охватывает при виде крови в мирное время.

---

[13] Намек на М. В. Ломоносова и других студентов первой половины XVIII века, учившихся в германских университетах.

[14] **Лава** – казачий боевой порядок, существовавший прежде только у наших казаков, а с введением строевого кавалерийского устава 1912 принятый и для регулярной кавалерии; под лавой разумеется также особый способ действия конницы. Лава эскадрона (сотни) состоит из передовой части и поддержки. Лава полка состоит из одного или нескольких эскадронов, высланных вперёд, и резерва. Каждому эскадрону указывается особый участок; резерв располагается сзади, в зависимости от плана действий, за серединой, за одним или обоими флангами, или вне их.

[ЦП]

Передо мной на невысоком холме была ферма. Там мог скрываться неприятель, и я, сняв с плеча винтовку, осторожно приблизился к ней. Старик, давно перешедший возраст ландштурмиста[15]*, робко смотрел на меня из окна. Я спросил его, где солдаты. Быстро, словно повторяя заученный урок, он ответил, что они прошли полчаса тому назад, и указал направление. Был он красноглазый, с небритым подбородком и корявыми руками. Наверно, такие во время нашего похода в Восточную Пруссию стреляли в на-*

[15] То есть, призывника-резервиста.

ших солдат из монтекристо[16].

Я не поверил ему и проехал дальше. Шагах в пятистах за фермой начинался лес, в который мне надо было въехать, но мое внимание привлекла куча соломы, в которой я инстинктом охотника угадывал что-то для меня интересное. В ней могли прятаться германцы. Если они вылезут прежде, чем я их замечу, они застрелят меня. Если я замечу их вылезающими, то – я их застрелю. Я стал объезжать солому, чутко прислушиваясь и держа винтовку на весу. Лошадь фыркала, поводила ушами и слушалась неохотно. Я так был поглощен моим исследованием, что не сразу обратил внимание на редкую трескотню, раздававшуюся со стороны леса. Легкое облачко белой пыли, взвивавшееся шагах в пяти от меня, привлекло мое внимание. Но только когда, жалостно ноя, пуля пролетела над моей головой, я понял, что меня обстреливают, и притом из лесу. Я обернулся на разъезд, чтобы узнать, что мне делать. Он карьером скакал обратно. Надо было уходить и мне. Моя лошадь сразу поднялась в галоп, и как последнее впечатление я запомнил крупную фигуру в черной шинели, с каской на голове, на четвереньках, с медвежьей ухваткой вылезавшую из соломы. Пальба уже стихла, когда я присоединился к разъезду. Корнет был доволен. Он открыл неприятеля, не потеряв при этом ни од-

---

[16] **Монтекристо** – мелкокалиберное ружье или пистолет, стреляющее пистонами без пороха, употребляемое для стрельбы по мелкой птице или для забавы. Разработано в конце XIX века французским оружейником Флобером для спортивной или развлекательной стрельбы.

ного человека.

Разъезд, о котором пишет Гумилёв, состоялся 19 октября. Был получен приказ о том, что наступление откладывается, отправлено 3 дивизиона для разведки – на Вилюнен, Шиленен и Каршен.

Через десять минут наша артиллерия примется за дело. А мне было только мучительно обидно, что какие-то люди стреляли по мне, бросили мне этим вызов, а я не принял его и повернул. Даже радость избавления от опасности нисколько не смягчала этой внезапно закипевшей жажды боя и мести.

Теперь я понял, почему кавалеристы так мечтают об атаках. Налететь на людей, которые, запрятавшись в кустах и окопах, безопасно расстреливают издали видных всадников, заставить их бледнеть от все учащающегося топота копыт, от сверкания обнаженных шашек и грозного вида наклоненных пик, своей стремительностью легко опрокинуть, точно сдунуть, втрое сильнейшего противника, это – единственное оправдание всей жизни кавалериста.

[ЦП]

На другой день испытал я и шрапнельный огонь.

Наш эскадрон занимал В., который ожесточенно обстреливали германцы.

Мы стояли на случай их атаки, которой так и не было. Только вплоть до вечера, все время протяжно и не без приятности, пела шрапнель, со стен сыпалась штукатур-

ка да кое-где загорались дома. Мы входили в опустошенные квартиры и кипятили чай. Кто-то даже нашел в подвале насмерть перепуганного жителя, который с величайшей готовностью продал нам недавно зарезанного поросенка. Дом, в котором мы его съели, через полчаса после нашего ухода был продырявлен тяжелым снарядом. Так я научился не бояться артиллерийского огня.

20 октября. *«В 7 часов утра началось наступление противника на Ширвиндт. Защита сложна, т. к. мало пехоты, конный отряд поддерживает ее, имея за собой 2 очень плохих для артиллерии брода через Шешупу, а в 4 верстах артиллерия противника. <…> Огонь очень сильный. У противника не менее 5 батарей».*

Глава II

Опубликована в «Биржевых ведомостях» № 14821 от 03.05.1915.

Описывает события с 21 по 27 октября 1914 года

1

Самое тяжелое для кавалериста на войне, это – ожидание. Он знает, что ему ничего не стоит зайти во фланг движущемуся противнику, даже оказаться у него в тылу, и что никто его не окружит, не отрежет путей к отступлению, что всегда окажется спасительная тропинка, по которой целая кавалерийская дивизия легким галопом уедет из-под самого носа одураченного врага.

[ЦП]

Каждое утро, еще затемно, мы, путаясь среди канав и изгородей, выбирались на позицию и весь день проводили за каким-нибудь бугром, то прикрывая артиллерию, то

просто поддерживая связь с неприятелем[17]*. Была глубокая осень, голубое холодное небо, на резко чернеющих ветках золотые обрывки парчи, но с моря дул пронзительный ветер, и мы с синими лицами, с покрасневшими веками плясали вокруг лошадей и засовывали под седла окоченелые пальцы. Странно, время тянулось совсем не так долго, как можно было предполагать.*

Иногда, чтобы согреться, шли взводом на взвод и, молча, целыми кучами барахтались на земле. Порой нас развлекали рвущиеся поблизости шрапнели, кое-кто робел, другие смеялись над ним и спорили, по нам или не по нам стреляют немцы. Настоящее томление наступало только тогда, когда уезжали квартирьеры на отведенный нам бивак, и мы ждали сумерек, чтобы последовать за ними.

О, низкие, душные халупы, где под кроватью кудахтают куры, а под столом поселился баран; о, чай! который можно пить только с сахаром вприкуску, но зато никак не меньше шести стаканов; о, свежая солома! расстеленная для спанья по всему полу, – никогда ни о каком комфорте не мечтается с такой жадностью, как о вас!!. И безумно-дерзкие мечты, что на вопрос о молоке и яйцах вместо традиционного ответа: «Вшистко германи забрали», хозяйка поставит на стол крынку с густым налетом сливок и что на плите радостно зашипит большая яичница с салом! И горькие разочарования, когда приходится ночевать на сеновалах или

---

[17] То есть, уточняя его местонахождение, наблюдая за передвижениями.

на снопах немолоченого хлеба, с цепкими, колючими колосьями, дрожать от холода, вскакивать и сниматься с бивака по тревоге!

С 21 по 24 октября Уланский полк располагался вдоль границы с Пруссией по реке Шешупе, в окрестных деревнях Бобтеле, Рудзе, Мейшты, Уссейне, в разбросанных по полям хуторах. Одновременно продолжалась разведка территории.

2

Предприняли мы однажды разведывательное наступление, перешли на другой берег реки Ш.[18] *и двинулись по равнине к далекому лесу.*

Через Шешупу в этом районе было 2 переправы: на прусском берегу у Дворишкена и на российском берегу у Кубилеле. Один брод упоминается при описании разведывательного наступления, осуществленного 22 октября.

Наша цель была – заставить заговорить артиллерию, и та, действительно, заговорила. Глухой выстрел, протяжное завыванье, и шагах в ста от нас белеющим облачком лопнула шрапнель.

Вторая разорвалась уже в пятидесяти шагах, третья

---

[18] Река Шешупа.

– в двадцати. Было ясно, что какой-нибудь обер-лейтенант, сидя на крыше или на дереве, чтобы корректировать стрельбу, надрывается в телефонную трубку: «Правее, правее!»

[ЦП]

Мы повернули и галопом стали уходить.

[ЦП]

Новый снаряд разорвался прямо над нами, ранил двух лошадей и прострелил шинель моему соседу. Где рвались следующие, мы уже не видели. Мы скакали по тропинкам холеной рощи вдоль реки под прикрытием ее крутого берега. Германцы не догадались обстрелять брод, и мы без потерь оказались в безопасности. Даже раненых лошадей не пришлось пристреливать, их отправили на излечение.

На следующий день противник несколько отошел и, мы снова оказались на другом берегу, на этот раз в роли сторожевого охранения.

Трехэтажное кирпичное строение, нелепая помесь средневекового замка и современного доходного дома[19]*, было по-*

---

[19] **Доходный дом** – *многоквартирный* жилой дом, построенный для сдачи квартир в аренду, а также тип архитектурного сооружения, сложившийся в европейских странах к 1830–1840-м годам. Квартиры, как правило, сгруппированы вокруг лестничных клеток, коридоров или галерей (галерейный дом) и однородны по планировке. Построенные в конце XIX – начале XX века чаще всего содержали небольшой внутренний двор-колодец, а всё остальное пространство участка, принадлежащего домовладельцу, было занято самим зданием. Под двором-колодцем нередко размещались различные хозяйственные помещения. Могли принадлежать как частным лицам, так и различным организациям, ищу-

чти разрушено снарядами[20].

[ЦП]

Мы приютились в нижнем этаже на изломанных креслах и кушетках. Сперва было решено не высовываться, чтобы не выдать своего присутствия.

Мы смирно рассматривали тут же найденные немецкие книжки, писали домой письма на открытках с изображением Вильгельма.

[ЦП]

Через несколько дней в одно прекрасное, даже не холодное утро свершилось долгожданное. Эскадронный командир собрал унтер-офицеров и прочел приказ о нашем наступлении по всему фронту.

Наступление русской армии в пределы Восточной Пруссии началось 25 октября.

щим стабильный источник дохода. В Российской империи владельцами в числе прочих были учебные заведения, сиротские приюты, монастыри и как коммерческие, так и благотворительные общества. Нередко такие дома строили лично для себя состоятельные архитекторы.

[20] Дворишкен.

Наступать – всегда радость, но наступать по неприятельской земле, это – радость, удесятеренная гордостью, любопытством и каким-то непреложным ощущением победы. Люди молодцевато усаживаются в седлах. Лошади прибавляют шаг.

[ЦП]

Время, когда от счастья спирается дыхание, время горящих глаз и безотчетных улыбок.

Справа по три, вытянувшись длинной змеею, мы пустились по белым обсаженным столетними деревьями дорогам Германии.

Жители снимали шапки, женщины с торопливой угодливостью выносили молоко. Но их было мало, большинство бежало, боясь расплаты за преданные заставы, отравленных разведчиков.

[ЦП]

Особенно мне запомнился важный старый господин, си-

девший перед раскрытым окном большого помещичьего дома.

Он курил сигару, но его брови были нахмурены, пальцы нервно теребили седые усы, и в глазах читалось горестное изумление. Солдаты, проезжая мимо, робко на него взглядывали и шепотом обменивались впечатлениями: «Серьезный барин, наверно, генерал… ну и вредный, надо быть, когда ругается…»

[ЦП]

Вот за лесом послышалась ружейная пальба – партия отсталых немецких разведчиков. Туда помчался эскадрон, и все смолкло. Вот над нами раз за разом разорвалось несколько шрапнелей. Мы рассыпались, но продолжали продвигаться вперед. Огонь прекратился.

Видно было, что германцы отступают решительно и бесповоротно. Нигде не было заметно сигнальных пожаров, и крылья мельниц висели в том положении, которое им придал ветер, а не германский штаб. Поэтому мы были крайне удивлены, когда услыхали невдалеке частую-частую перестрелку, точно два больших отряда вступили между собой в бой. Мы поднялись на пригорок и увидали забавное зрелище. На рельсах узкоколейной железной дороги стоял горящий вагон, и из него и неслись эти звуки. Оказалось, он был наполнен патронами для винтовок, немцы в своем отступлении бросили его, а наши подожгли.

Мы расхохотались, узнав, в чем дело, но отступающие

враги, наверно, долго и напряженно ломали голову, кто это там храбро сражается с наступающими русскими.

Вскоре навстречу нам стали попадаться партии свежепойманных пленников.

[ЦП]

Очень был забавен один прусский улан, все время удивлявшийся, как хорошо ездят наши кавалеристы. Он скакал, объезжая каждый куст, каждую канаву, при спусках замедляя аллюр, наши скакали напрямик и, конечно, легко его поймали. Кстати, многие наши жители уверяют, что германские кавалеристы не могут сами сесть на лошадь. Например, если в разъезде десять человек, то один сперва подсаживает девятерых, а потом сам садится с забора или пня. Конечно, это легенда, но легенда очень характерная. Я сам видел однажды, как вылетевший из седла германец бросился бежать, вместо того чтобы опять вскочить на лошадь.

3

Вечерело. Звезды кое-где уже прокололи легкую мглу, и мы, выставив сторожевое охраненье, отправились на ночлег. Биваком нам послужила обширная благоустроенная усадьба с сыроварнями, пасекой, образцовыми конюшнями, где стояли очень недурные кони[21]*. По двору ходили куры, гу-*

---

[21] Бартковен, располагавшийся чуть севернее Дористаля.

си, в закрытых помещениях мычали коровы, не было только людей, совсем никого, даже скотницы, чтобы дать напиться привязанным животным. Но мы на это не сетовали. Офицеры заняли несколько парадных комнат в доме, нижним чинам досталось все остальное.

Я без труда отвоевал себе отдельную комнату, принадлежащую, судя по брошенным женским платьям, бульварным романам и слащавым открыткам, какой-нибудь экономке[22] или камеристке[23], наколол дров, растопил печь и как был, в шинели, бросился на кровать и сразу заснул. Проснулся уже за полночь от леденящего холода. Печь моя потухла, окно открылось, и я пошел на кухню, мечтая погреться у пылающих углей.

[ЦП]

И в довершение я получил очень ценный практический совет. Чтобы не озябнуть, никогда не ложиться в шинели, а только покрываться ею.

На другой день был дозорным. Отряд двигался по шоссе, я ехал полем, шагах в трехстах от него, причем мне вменялось в обязанность осматривать многочисленные фольварки[24] и

---

[22] **Экономка** – женщина, занимающаяся ведением домашнего хозяйства у кого-либо.

[23] **Камеристка** (франц. cameriste) – в дворянском и придворном быту служанка, комнатная прислуга при госпоже.

[24] **Фольварк** (польск. *folwark* от диалектизма нем. *Vorwerk*) – мыза, усадьба, обособленное поселение, принадлежащее одному владельцу, помещичье хозяйство. Исторически в Речи Посполитой наименование помещичьего хозяйства, в

деревни, нет ли там немецких солдат или хоть ландштурмистов, то есть попросту мужчин от семнадцати до сорока трех лет. Это было довольно опасно, несколько сложно, но зато очень увлекательно. В первом же доме я встретил идиотического вида мальчишку, мать уверяла, что ему шестнадцать лет, но ему так же легко могло быть и восемнадцать, и даже двадцать. Все-таки я оставил его, а в следующем доме, когда я пил молоко, пуля впилась в дверной косяк вершка[25] *на два от моей головы.*

В доме пастора я нашел лишь служанку-литвинку, говорящую по-польски; она объяснила мне, что хозяева бежали час тому назад, оставив на плите готовый завтрак, и очень уговаривала меня принять участие в его уничтожении.

Вообще мне часто приходилось входить в совершенно безлюдные дома, где на плите кипел кофе, на столе лежало начатое вязанье, открытая книга; я вспомнил о девочке, зашедшей в дом медведей, и все ждал услышать грозное: «Кто съел мой суп? Кто лежал на моей кровати?»

[ЦП]

Дики были развалины города Ш.[26]*. Ни одной живой души. Моя лошадь пугливо вздрагивала, пробираясь по заваленным кирпичами улицам мимо зданий с вывороченными внутрен-*

узком смысле слова – барской запашки. В русский пришло из польского вместе с присоединением к Российской империи прибалтийских и белорусских губерний после разделов Речи Посполитой.

[25] **Вершок** = 4 ногтя = 1/4 пяди = 1/16 аршина = 1,75 дюйма ≈ 44,45 мм.

[26] Шиленен.

ностями, мимо стен с зияющими дырами, мимо труб, каждую минуту готовых обвалиться. На бесформенной груде обломков виднелась единственная уцелевшая вывеска «Ресторан». Какое счастье было вырваться опять в простор полей, увидеть деревья, услышать милый запах земли.

26 октября. Наступление продолжалось. Уланский полк направился к югу и выбил немцев из города Вилюнена. Барон Майгель докладывал командиру III корпуса генералу Епанчину: *«Только благодаря доблести Лейб-Гвардии Уланского Ея Величества полка, как господ офицеров, так и нижних чинов, полк этот показал блестящие примеры храбрости и великолепно атаковал под Вилюненом, о чем считаю долгом донести Вашему Высокопревосходительству…»*

[ЦП]

Вечером мы узнали, что наступление будет продолжаться, но наш полк переводят на другой фронт.

Вечером 26 октября в штабе III Армейского корпуса была получена телеграмма:

«Командующий приказал немедленно вернуть Лейб-Гвардии Уланский Е. В. полк в Россиены, о чем сообщить Майделю».

27 октября в 4.55 вечера Майдель докладывал:

«Уланский Е. В. полк ушел на Ковно. Взятый вчера Вилюнен мною оставлен…».

Запись в полковом деле от 27 октября: *«Сего числа полк перешел границу Германии обратно».*

Новизна всегда пленяет солдат **[ЦП]** *но, когда я посмотрел на звезды и вдохнул ночной ветер, мне вдруг стало очень грустно расставаться с небом, под которым я как-никак получил мое боевое крещенье.*

В Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) сохранился автограф Николая Гумилёва с другим вариантом II главы «Записок кавалериста»:

«С неделю мы пробыли около В. Ночи оставались в обширных, но грязных фольварках, где угрюмые литовцы на все вопросы отвечали неизменное «не сопранту»[27]*. Спали по большей части в сараях, причем я узнал, что спать на соломе хотя и хорошо, но холодно, если же спать в сене, то наутро измучаешься, доставая из-за ворота колючие стебельки. Дни проводили за такими же фольварками, то прикрывая работающую артиллерию, то выжидая моменты для небольшого набега. Дул пронизывающий западный ветер. И, наверно, странно было видеть от понурых лошадей сотни молчаливых плясунов с посиневшими лицами.*

Наконец пришло отрадное известие, что наша тяжелая артиллерия пристрелялась по сильным неприятельским окопам в Ш. и, по словам вернувшихся разведчиков, они

---

[27] Ne suprantu (лит.) – не понимаю.

буквально завалены трупами. Было решено предпринять общее наступление.

Невозможно лучше передать картины наступления, чем это сделал Тютчев в четырех строках:

> *…Победно шли его полки,*
> *Знамена весело шумели,*
> *На солнце искрились штыки,*
> *Мосты под пушками гремели*[28].

Я сомневаюсь, чтобы утро наступления могло быть не солнечным, столько бодрости, столько оживления разлито вокруг. Команда звучит особенно отчетливо, солдаты заламывают фуражки набекрень и молодцеватее устраиваются в седлах. Штандарт, простреленный и французами, и турками, вдруг приобретает особое значение, и каждому эскадрону хочется нести его навстречу победе. В первое наступление[29] *мы закладывали розы за уши лошадей, но осенью, увы, приходится обходиться без этого. Длинной цепью по три в ряд въехали мы в Германию. Вот где-то сбоку затрещали винтовки, туда помчался эскадрон, и все стихло. По великолепному шоссе, обсаженному столетними деревьями, мы продвинулись еще верст на десять. Повсюду встречались фермы, именья, но жителей почти не было вид-*

---

[28] Ф. Тютчев. Стихотворение «Неман».

[29] То есть, в августе 1914. Николай Гумилёв в этом наступлении не участвовал. Говоря «мы», он имеет в виду армию в целом и свой полк в частности.

но. Они бежали, боясь возмездия за все гнусности, наделанные нам во время нашего отступления, – за подстреленных дозорных, добитых раненных, за разграбленье пограничных сел. Немногие оставшиеся стояли у ворот, робко теребя в руках свои шапки. Понятно, их никто не трогал. Особенно мне запомнилась в окне одного большого помещичьего дома фигура сановитого помещика с длинными седыми бакенбардами. Он сидел в кресле, с сигарой в руке, но густые брови были нахмурены, и в глазах светилось горестное изумление, готовое каждую минуту перейти в гнев. «Серьезный барин, – говорили солдаты, – такой выскочит да заругается – так беда. Должно быть, из генералов!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.